

Безоблачное небо простиралось широко, в вышине дул сильный ветер.

Хотя на нём была безрукавная физкультурная форма для окрыления, странным образом он не чувствовал холода. Оставив позади одноклассников, которые, раздосадованные силой ветра, продолжали лететь низко, Акира устремился высоко-высоко, к самому солнцу.

«Если бы я мог сделать крылья ещё больше, смог бы я взлететь ещё выше?.. Или, может быть, быстрее». Вокруг никого не было.

Акира был один.

Мгновенное искушение Акира отбросил. Из-за Ицуки он уже нёс достаточный риск. Ради себя, ради матери и ради Ицуки он должен был избегать дальнейших опасностей.

Ицуки... Когда он думал о нём, в груди странно поднималось волнение. Запертый в искалеченном, ноющем теле, всю жизнь попираемый ногами людей — как он мог вести себя настолько невинно?

С этой высоты двойные пики горы Цукуба, которые должны были быть далеко, казались такими близкими, что до них можно было дотронуться рукой. Легендарная священная гора, где, по слухам, обитали всевозможные чудовища...

(Такой пейзаж Ицуки, должно быть, никогда не видел.)

То, что он никогда не летал, казалось очевидным. Если бы у «нелюдей» была способность к трансформации, он бы не оставался в таком виде. Да, хотя они и были существами, похожими на людей, они, «зарайцы», отличались... Они не нуждались в принятии крови, не могли трансформироваться, просто терпели болезнь и были существами, которых использовали...

(Хочу показать ему... Ицуки. Этот вид... Хочу дать ему ощутить радость полёта, оторвавшись от гравитации и оседлав ветер.)

Если бы он это сделал, как радостно тот бы улыбнулся? Представив это лицо, Акира ощутил в груди небывалую радость и сам не заметил, как улыбнулся.

Внезапно взглянув на землю, Акира почувствовал что-то неладное. Учеников, которые не окрылились и толпились на земле, становилось всё больше. Оглядевшись, он заметил, что по хореографии летели, включая его самого, лишь несколько человек.

Он повернул голову к земле и сложил крылья. Резкое пикирование создавало нагрузку на

вестибулярный аппарат и лёгкие, но это ощущение, похожее на падение, ему нравилось. Рассекая ветер, он упал. На достаточной высоте, чтобы не столкнуться с одноклассниками, он резко затормозил и мягко приземлился на школьный двор. В классе это умел делать только он один.

Распуская крылья, он приблизился к кругу одноклассников... Кэйсукэ орал.

— Я же говорю, делай серьёзно!! Что значит «даже крылья не выпускаешь»? У тебя вообще есть желание?!

Ругали Хаяту.

— И вообще, я же сказал, что проведу с тобой спецтренировку, а ты сбежал. Что ты думаешь о чужой доброте?

— ...Я не просил.

Хаята пробормотал тихо, невнятно.

— А?! За кого ты себя принимаешь?

Резко выкрикнула Эрика.

— Мы уже сегодня хотим начать полный прогон, а из-за тебя одного не можем! Мог бы хоть немного подумать о других!!

— Да уж, бесит, эгоистичный интроверт. Думает только о себе.

— Раз не умеешь, ничего не поделаешь, наверное, думает, что его простят. А сам даже не старается.

— Кэйсукэ же сказал, что готов помочь с тренировкой. Почему ты не пошёл?

Окружённый, осаждаемый упреками, круглые щёки Хаяты залились ярким румянцем. «Эй...»

— начал было Акира, но Хаята вдруг закричал, словно зарычал.

— Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь!! Строите из себя правых. Я не могу, понятно?! Сколько ни старайся, как ни пытайся — всё бесполезно!! Всё равно скоро я такой... от-бро-сы... ста-ну...

— Тсс!

Эрика резко шикнула.

Со стороны школьного здания подходила учительница Румико.

— Ну что, все-все?

— Тренировка продвигается?

Она мягко улыбнулась.

— Почему это никто не выпустил крылья?

В качестве наказания классу назначили бег на пятьдесят кругов по школьному двору, и слышались недовольные голоса. Было ясно, что наказание съест всю перемену.

— Ну вот, тренировка ещё больше отстанет...

Пока строились для бега, пробормотал Кэйсукэ. Кто-то шепнул в строю: — Это всё из-за Хаяты.

Сам Хаята, надув ярко-красные щёки, уставившись в землю, влился в бегущую толпу.

□

Прошло несколько дней...

При каждом удобном случае Кэйсукэ и его приспешники начали жестоко травить Хаяту.

Говоря что-то вроде «ты не ешь как следует, поэтому сил нет», они начинали с того, что засовывали в тарелку Хаяты остатки школьного обеда (особенно шпинат в бульоне и жареную печень с чесноком — блюда, которые были в топе самых нелюбимых), затем насильно стаскивали с него физкультурную форму, насмехаясь: «Почему крылья не появляются? Может, у тебя шерсть не растёт?»

— и показывали его в таком виде девушкам, чтобы те отвернулись, — их действия были подлыми.

Акира подозревал, что учительница Румико знала об этом, но молча позволяла... Особенно когда во время обеда ему насильно заталкивали в рот остатки — это было довольно открыто, но

даже когда Хаята мучился, она лишь спрашивала: «Что случилось?»

— а когда Кэйсукэ отвечал что-то вроде «Мы лечим его от привередливости в еде», она, улыбаясь, пропускала это со словами «Ну и хорошо».

Да... это общество было безжалостно до предела к тем, кто оказывался в изоляции или показывал слабость...

Акире было больно видеть страдания Хаяты. Ему хотелось заставить Кэйсукэ прекратить это. Будь он прежним, он бы без колебаний вышел вперёд и врезал Кэйсукэ по щеке. В драках он был немного уверен, да и если бы проиграл, ему не пришлось бы мучиться в одиночестве, как сейчас.

Но теперь у него была тайна...

Неизвестно, с чего могло раскрыться существование грязного пса, которого он прятал дома. Особенно Кэйсукэ, казалось, сейчас был увлечён «воспитанием» Хаяты и забыл об этом, но ведь всё началось с того, что Акира защитил Ицуки от него. Он не хотел привлекать внимание Кэйсукэ и подвергать Ицуки опасности.

Однако...

Однажды после уроков, когда Эрика, по капризу выбравшая Акиру в качестве партнёра для принятия крови в тот день, сказала ему:

— Как староста класса, ты что об этом думаешь...?

— О чём это?

На беззаботном лице Эрики не было и тени беспокойства.

— О Кэйсукэ. О его «воспитании». С Хаятой он явно перебарщивает.

— А?! Нет, это же Хаята плох. Я думаю, его действительно воспитывают. Столько все ему говорят, а он даже не пытается проявить желание тренироваться. Это полный провал.

Говоря это, она резко укусила Акиру за палец, и он застонал. Красивыми губами она припала к ранке на указательном пальце. Сдерживая отвращение от ощущения языка, ползущего по ранке, Акира настаивал:

— Ты серьёзно так говоришь...? Если зайти так далеко, это уже просто травля. Даже

учительница Румико ничего не говорит... Это ненормально.

Закончив пить кровь, Эрика с плевром выплюнула палец Акиры.

— В травле виноват тот, кого травят.

Потеряв дар речи, Акира пристально уставился на Эрику. Ему показалось, что кровь Эрики, которую он только что принял, сворачивалась в желудке...

— Не смей так говорить, даже в шутку.

Голос поднявшегося Акиры был ледяным.

— Меня тошнит.

Эрика изменилась в лице...

В этот момент странное ощущение охватило Акиру.

(Кажется, такое уже было раньше...)

Прямые чёрные волосы. Сдержанный голос...

«Спасибо, Акира-кун...»

— прошептал этот голос.

Парта в правом углу... кто-то, кто был там, а теперь это место пустовало...

— Бо...льно...

От внезапно нахлынувшей головной боли с головокружением Акира застонал. Он чуть не упал и опёрся рукой о парту.

— Эй...

Убрав гневное выражение лица, Эрика поддержала пошатнувшегося Акиру.

— Ты в порядке?

Оттолкнув её руку, Акира взглянул на неё.

— Не трогай меня.

Эрика, с дрожащими от обиды губами, посмотрела на него в ответ.

— Что за... Отвратительно.

В этот момент из открытого окна донёсся крик, похожий на вопль...

<http://bllate.org/book/18129/1740490>